

ЗАСЛАВСКИЙ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49/2), zasl_se@mail.ru

ЛУКУШИН Владимир Андреевич — аспирант кафедры политологии, ассистент; младший научный сотрудник Центра политических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49/2), valukushin@fa.ru

В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ ШКАЛЫ: ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ И СТРУКТУРИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу современной партийной системы России, рассматриваемой как уникальное политико-институциональное образование, не поддающееся традиционным классификациям, разработанным и адаптированным преимущественно для западных государств. Авторы выявляют основные этапы становления российской партийной системы, акцентируя внимание на переходе от фрагментарной и нестабильной к более консолидированной и функциональной модели. Авторы предлагают альтернативную схему анализа партий на основе их ресурсного потенциала и политико-правового статуса, критически рассматривают традиционную «лево-правую» шкалу и иные линейные модели описания современных партийных систем как методологически несостоятельные. Статья обосновывает необходимость разработки оригинальных научных и аналитических подходов, отражающих специфику российского политического ландшафта и новые формы политической мобилизации, представительства и конкуренции в условиях современного постиндустриального и цифрового общества.

Ключевые слова: партийная система, политические партии, партийные лиги, партийные шкалы, идеологии, многопартийность

Проблемное поле. Исследование сущностных характеристик отечественной партийной системы на современном этапе ее развития представляет одно из ключевых направлений российской политической науки, обладающее не только академическим, но и прикладным значением в контексте понимания логики функционирования партийных институтов, механизмов осуществления власти и каналов политической мобилизации. В условиях высокой динамики общественно-политических процессов, а также перекрестного влияния внешних и внутренних вызовов качественное описание и структурирование партийного ландшафта привлекает значительное внимание исследователей и экспертов. Актуальность данной проблематики обусловлена в первую очередь тем, что партии остаются значимыми публичными акторами, обеспечивая функционирование политического процесса, а также отдельные процедуры рекрутирования, социализации, просвещения и коммуникации. При этом структура и функционал политических партий претерпевает значительные изменения вслед за трансформацией самой логики политических институтов [Бродовская и др. 2023]. Современные исследования сосредоточены на таких направлениях, как оформление партийной конкуренции, динамика электорального поведения, процессы партийной инженерии, взаимодействие партий с гражданским обществом и роль партий в условиях цифровизации политической коммуникации [Исаев 2017].

Однако когда речь заходит о контурах и структуре партийной системы современной России, значительное число исследователей попадают в ловушку,

обусловленную давней методологической проблемой. Она заключается в использовании зарубежных объяснительных моделей и понятийного аппарата, изначально сформированных для описания западных либеральных политических систем в определенный исторический период их функционирования. Злоупотребление подобными концепциями в практической плоскости влечет за собой очевидные ошибки в интерпретации партийно-политических процессов и ограничение возможностей адекватного анализа их специфики. Упрощенное заимствование западных моделей, типологий партийных систем и идеологически детерминированной классификации политических партий приводит к концептуальной редукции сложной общественно-политической реальности, которая является следствием длительного цивилизационного развития российского государства. Нередко отечественная партийная система оказывается искусственно вписанной в рамки моделей и категорий, не способных отразить ее реальную природу как результат уникального историко-политического пути, наследия собственных демократических процедур, особой политической культуры и социального опыта.

Сознательное игнорирование этих факторов затрудняет построение корректной теоретической рамки, что, в свою очередь, обуславливает потребность в разработке альтернативных исследовательских подходов и аналитических моделей, основывающихся на понимании внутренней логики развития российской политической системы, ее культурных кодов и цивилизационных матриц, а также актуальных тенденций и вызовов для институционального развития политических партий и государства в целом. В настоящей статье представлено описание рассматриваемой научной проблемы, выделяются общие направления ее разрешения и перспективы дальнейшего научного поиска.

Этапы становления партийной системы и текущие тренды в ее развитии.

Складывание партийной системы современной России представляет собой сложный и многоуровневый процесс, обусловленный сочетанием исторических традиций, социокультурных предпосылок и трансформаций политической системы. По сути, становление партийной системы в полной мере отражало строительство нового демократического государства со всей совокупностью проблем и рисков, возможностей и перспектив постсоветского периода [Дилигенский 1992]. Следовательно, партийная система не может пониматься в отрыве от общего вектора политического развития страны.

В процессе формирования партийной системы России можно выделить несколько ключевых периодов, каждый из которых вносил вклад в становление ее уникальной архитектуры, отражающей как элементы формального институционализма, так и значительное влияние неформальных структур и властных практик. Вопросы отечественного партогенеза и хронологии развития партийной системы являются довольно разработанными в политической науке, а многие элементы находят консенсусные оценки в академическом и экспертном сообществах [Лепехин 1992; Левчик, Заславский 1995].

Исходной точкой формирования современной партийной системы стал период политической либерализации конца 1980-х — начала 1990-х гг., ознаменовавшийся распадом Советского Союза и крушением монопольного положения КПСС. Как известно, кризис однопартийной системы в сочетании с проводимыми демократическими реформами способствовали росту гражданской активности, возникновению неформальных объединений и первых политических движений, критически настроенных по отношению к коммунистической монополии. На рубеже десятилетий началась

регистрация первых политических партий. В это же время была предпринята попытка легализации многопартийности как нормативного института политического процесса. Однако данная стадия партотгенеза характеризовалась высокой степенью фрагментации, отсутствием устойчивых идейных платформ, а также значительным влиянием конкретных политиков на формирование и жизнеспособность новых объединений. Партизация политического пространства шла сверху вниз и не сопровождалась формированием устойчивых каналов связи между партиями и обществом. Иными словами, становление партийной системы происходило в условиях институциональной нестабильности, поскольку в обществе сохранялся вакуум между гражданами, партиями и государством при отсутствии адекватной системы управления, нормативно-правовой базы, а также устоявшихся электоральных процедур.

Конфликт между исполнительной и законодательной ветвями власти, кульминацией которого стал конституционный кризис 1993 г., оказал существенное влияние на партийный ландшафт. Партии в этот период продолжали существовать как преимущественно электоральные проекты, слабо институционализированные, подверженные влиянию элитных группировок и нередко выполнявшие функцию лоббистских структур. На протяжении 1990-х гг. партийная система России сохраняла признаки нестабильной многопартийности с высокой степенью электоральной волатильности [Тимошенко, Салыков 2017]. На политической арене действовало значительное число партий, но ни одна из них не обладала устойчивой массовой поддержкой и организационной прочностью. В парламенте формировались фракции, порой не совпадавшие по составу с партиями, которые выдвигали кандидатов на выборах. При этом данный период предопределил формирование системного института представительства и включил в себя легитимацию партийной системы после первых выборов в Государственную думу. Это позволило провести первичное структурирование и упорядочение партий, которые из хаотичного и весьма атомизированного состояния выстраивали контуры многопартийной системы [Заславский 2020].

Начало нулевых годов ознаменовалось качественным изменением в структуре и логике партийной системы, связанным с курсом руководства страны на политическую централизацию и стабилизацию. В этих условиях формируется концепт партийного центра, а вместе с ним — становление партии власти и партийной системы с ярко выраженным доминирующим игроком. Центризм подразумевался как механизм поддержания равновесия системы политических отношений, столь необходимый для государства, решающего задачи стабилизации и перехода к росту во всех отношениях. О тенденции к центризму говорилось не только как о «модном» лейбле, но и в контексте вполне конкретного содержательного наполнения [Громов 2005]. Центристы понимались как сплоченная политическая сила, поддерживающая государственный курс на реформы, но реформы постепенные, созидательные, реализуемые исключительно в интересах российского общества.

Принятие обновленного федерального законодательства о политических партиях является ключевой вехой данного периода, поскольку определило их в качестве единственной разновидности общественных объединений, имеющих право участвовать в выборах. Очевидно, что повышение политической роли и статуса партий требовали сопутствующего увеличения законодательных требований к ним. Этот процесс сказался на числе официально существующих партий, их число постепенно уменьшалось: 46 — в 2004 г., 15 — в

2007 г., 7 – в 2009 г. Уменьшение числа партий происходило не только посредством ликвидации, но и за счет преобразований в общественные движения, а также слияния или вхождения в состав более крупных партий. Таким образом, партийный спектр сузился количественно, но не идеологически. Партии предоставляли гражданам достаточно разнообразные политические предложения, сохранив темпы электоральной активности и обеспечив высокий уровень конкуренции этих предложений в обществе. Централизация партийной системы происходила вслед за аналогичными процессами в системе государственного управления, отражая органический и объективный характер данных политических изменений [Володина 2015].

В 2010-х гг. происходит новый цикл развития партийной системы, связанный с либерализацией законодательства в ответ на общественный запрос и объективную необходимость партийно-политического обновления. В этот период партии получают несколько большие возможности, и число официально зарегистрированных партий вслед за этим увеличивается. Закономерным результатом этого периода является переход от четырехпартийной к пятипартийной системе с сохранением статуса партии власти как системообразующего игрока по результатам парламентских выборов 2021 г. [Лукушин 2021]. Продолжался процесс поиска оптимальной модели состязательности партий и обеспечения политического представительства. Одновременно партийная система начала накапливать ресурсы и способность к саморегулированию, что выразилось также в ослабевании ее зависимости от внешних факторов и большей структурированности. На текущий момент можно говорить о развитии нескольких основных тенденций в развитии отечественной партийной системы:

1) выход партийной системы на естественное плато развития, связанный с самостоятельным избавлением от неэффективных игроков, систематически не участвующих в выборах и/или нарушающих требования избирательного законодательства, а также укрепление тех партий, которые успешно показали себя в предыдущих электоральных циклах;

2) достижение устойчивости и стабильности партийной системы в качестве эффективного ответа на внешние и внутренние вызовы, появление своеобразного запаса прочности;

3) формирование патриотического консенсуса, в котором абсолютное большинство игроков находятся внутри: патриотическая повестка не просто встроена в повестку партий, но и создает новое пространство их конкуренции.

Таким образом, эффективное число партий, выраженное в участии в выборах различного уровня, достигает максимальных значений. По состоянию на март 2025 г. из 23 официально зарегистрированных политических партий 20 партий обеспечили выдвижение своих кандидатов на выборах различного уровня в ходе последнего Единого дня голосования (доля активных партий – 87%). В сравнительном ключе данный показатель значительно вырос за последние годы: 2018 г. – 54%, 2019 г. – 52%, 2020 г. – 57%, 2021 г. – 41%, 2022 г. – 55%, 2023 г. – 67%¹. Политическая состязательность политических партий в текущих условиях не нейтрализована, напротив, укрепляются основные линии конкуренции и появляются новые, обусловленные актуальной повесткой и трансформацией электоральных запросов и ожиданий россиян. Текущие

¹ Итоги регистрации на выборах в Единый день голосования 2024. Доклад Фонда исследования проблем демократии. Доступ: https://democracyfund.ru/userfiles/Доклад_Регист_Итог2024.pdf (проверено 01.01.2025).

«правила игры» способствуют активизации партий на выборах, в ином случае происходит снижение их жизнеспособности и неминуемая гибель.

Подходы к группировке партий и структурированию партийной системы. Важным аспектом анализа партийной системы является вопрос группировки политических партий, включающий выработку классификационных признаков и критериев структурирования основных акторов. Ранее авторы статьи предлагали подход игровых лиг и дивизионов для описания структуры российской партсистемы и особенностей межпартийного взаимодействия. Данный подход подразумевает объединение партий в укрупненные лиги и внутренние дивизионы, основным критерием выделения которых является текущий политико-правовой статус, характеризующий ресурсную базу, реальные электоральные возможности и потенциал общественного влияния [Заславский 2021].

В общем виде подобное структурирование выглядит следующим образом. *Высшая лига* состоит из парламентских партий, которые непосредственно принимают участие в выработке и реализации государственной политики. *Первая лига* — большие игроки, политическое влияние которых менее значимо, однако их ресурсный и электоральный потенциал значителен в силу освобождения их от сбора подписей в поддержку кандидатов и списков кандидатов на парламентских выборах, предоставленного избирательным законодательством. Эти партии представлены в политической жизни регионов и муниципалитетов зачастую довольно значительным образом. *Вторая лига* — буферный уровень, включающий партии, которые могут участвовать в региональных выборах без сбора подписей (хотя бы в одном регионе). К этой лиге также можно отнести партии, имеющие в составе региональных заксобраний своих кандидатов, избранных по мажоритарным округам, хотя сам по себе данный факт не приносит партиям значимых предпочтений. *Третья лига* — партии, выполняющие требования, необходимые для участия в выборах, но не достигшие успеха ни на федеральном, ни на региональном и местном уровнях, однако сохраняющие свой формальный статус.

Практическая применимость данной модели, равно как и любых схожих, обусловлена ее нетривиальным взглядом на отечественный партийный спектр, исключая линейный подход и жесткую привязку к идеологическим характеристикам партий. Многие подходы к группировке и сегментации партий продолжают опираться преимущественно на традиционный принцип, предполагающий наличие устойчивых доктринальных позиций и программной определенности у партийных акторов [Jahn 2023]. Как уже было отмечено, в современном политическом контексте такой подход представляется ограниченным и нередко приводит к искаженной картине партийного поля. В эпоху постепенного размывания классических политических идеологий, доминирования «всеохватных» партий, а также перерождения электорального популизма использование одномерного идеологического критерия для группировки партий, и далее — структурирования партийной системы представляется ошибочным.

Шкала «левые — правые», традиционно используемая для описания партийных систем в политической науке, оказывается в значительной степени неприменимой к анализу современного партийного спектра, что обусловлено как специфическими чертами отечественного партогенеза, так и глубоким кризисом самой этой дихотомии в глобальном контексте [Grant 2023]. Лево-правая шкала оказывается девальвированной по отношению к реальному политическому процессу, практической деятельности и струк-

турным механизмам современных партий. В российской реальности политические партии редко выстраиваются в соответствии с классическим делением, поскольку не обладают устойчивыми программными установками и не являются носителями конкретных доктринальных мировоззрений, что во многом уже не характерно для партийных акторов в большинстве мировых государств [Скиперских 2021]. При этом в России подобная модель никогда не существовала, поскольку ни дореволюционные, ни советские, ни постсоветские политические партии не соответствовали этой шкале, следовательно, она является чуждой для отечественной партсистемы [Блинов 2021]. Обращение к постсоветскому опыту также не имеет достаточных оснований, поскольку множественные партии и протопартийные проекты 1990-х гг. существовали в глубоко атомизированном и хаотичном пространстве, являясь одновременно его производными. Они отражали сложность построения новой демократической политической системы, многослойность общественно-политического дискурса и высочайшую динамику институциональных изменений.

Многие партии в современный постиндустриальный период объединяют в себе элементы, традиционно относимые к противоположным идеологическим полюсам, что делает их позиционирование по шкале «левые — правые» крайне формальным и произвольным [Холодковский 2006]. Так, ряд партий, декларирующих левую риторику, фактически поддерживают статус-кво и демонстрируют консервативную социальную повестку, тогда как формально правые объединения прибегают к популистским практикам и лозунгам. Программные документы современных партий зачастую не соответствуют их практической линии. Отсутствие у большинства партий прочной социальной базы приводит к тому, что идеологическая самоидентификация утрачивает функциональную значимость и заменяется адаптивной риторикой в условиях политической конъюнктуры [Жигadlo 2023]. Более того, сама «лево-правая» дихотомия в последние десятилетия переживает глубокий кризис и в западной политической науке: с ростом постматериалистических ценностей, кризисом традиционных классовых структур, характерных для раннего индустриального общества, с усилением персоналистской политики идеологическое пространство партий становится все более фрагментированным и ситуационно обусловленным. Новые политические разломы проходят по иным осям: глобализм — суверенизм, элитаризм — популизм, традиционализм — прогрессизм, что еще более подрывает универсальность лево-правого континуума. В этом контексте использование линейной модели для анализа российской партийной системы не только не отражает реальную структуру политических предпочтений и политических акторов, но и препятствует выработке адекватных исследовательских инструментов, способных связывать специфику отечественной политической среды, ее уникальные механизмы власти и представительства.

Заключение и исследовательские перспективы. Таким образом, партийная система современной России представляет собой уникальное образование, характеризующееся многопартийностью, развитием центристских и консолидационных тенденций, а также особым характером сопоставительности ключевых акторов, основывающимся на разнице интересов, мотиваций и ресурсных позиций партий. Становление отечественной партийной системы происходило под влиянием комплекса факторов — от исторического наследия отечественной политической культуры до институциональных реформ и изменений в правовом регулировании.

В настоящее время возникает необходимость перехода к альтернативным

способам группировки партий и структурирования партийного поля, корректно отражающим их функциональную и институциональную природу и позволяющим уйти от искусственной и зачастую неработающей линейной схемы, приблизиться к более реалистичному описанию политической архитектуры современной России, где партии конкурируют в условиях не столько доктринального многообразия, сколько институционально асимметричной политической среды, задающей принципы их взаимодействия, выживания и адаптации. Линейные модели партийных систем, в т.ч. традиционная лево-правая шкала, находятся в глубоком кризисе с учетом потери связи с реальной политической практикой, проблемой несоответствия декларируемых идей и установок практической программе действий большинства партий.

Вариации различных двухмерных шкал, которые могли бы прийти на смену «лево-правой» модели по отношению к российской партийной системе, должны стать предметом глубокого анализа. В частности, не меньше вопросов и затруднений вызывают шкалы «западники — государственники», «либералы — социалисты», «индивидуалисты — коллективисты» и пр. Подобный упрощенный подход к структурированию партийной системы является морально устаревшим и не соответствующим действительности.

В качестве перспективных моделей, имеющих бóльшие основания для развития в политической науке и аналитике, предлагаются различные вариации многомерных шкал, основывающихся не на доктринально-идеологических, а скорее на ценностно-мировоззренческих позициях. При этом сама по себе идеология остается важным элементом общественно-политической жизни и сохраняет актуальность для партийной системы. Отечественные партии заметно усиливают работу по адаптации своих электоральных стратегий, идейных программ и методов работы в ответ на новые социальные, экономические и технологические вызовы. Перспективным также представляется анализ и рейтингование программных документов политических партий [Жичкин 2022].

Предложенный авторский подход позволяет учитывать смысловые доминанты и образы прошлого, настоящего и будущего, формируемые политическими партиями, которые не являются настолько устойчивыми и имеют свойство корректироваться под влиянием внутренних и внешних факторов. При этом использование многомерных шкал требует проведения масштабного анализа программных документов партий, формируемого публичного дискурса, информационных потоков, практических резолюций и актуальной партийной повестки с целью поиска соответствий и размежеваний.

Список литературы

Блинов В.В. 2021. Трудности перевода классической лево-правой модели идеологического континуума для анализа политических предпочтений современной России. — *Вопросы политологии*. № 6(70). С. 1694-1705.

Бродовская Е.В., Заславский С.Е., Домбровская А.Ю., Лукушин В.А. 2023. Векторы трансформации партийной системы и электоральных ожиданий россиян. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 1(173). С. 96-120.

Володина С.В. 2015. Периодизация становления многопартийности в современной России в новейших отечественных исследованиях. — *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Политические науки. № 1. С. 54-77.

Громов В.Н. 2005. Центризм как механизм поддержания равновесия

системы политических отношений. — *Вестник Тамбовского университета*. Сер. Гуманитарные науки. № 2. С. 94–99.

Дилигенский Г.Г. 1992. Российский политический спектр. — *Мировая экономика и международные отношения*. № 4. С. 31–42.

Жигadlo К.В. 2023. Проблема размежевания на левых и правых в современной России через призму социального конструктивизма. — *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер. Политология. № 2. С. 423–433.

Жичкин В.В. 2022. Предвыборные программы непарламентских политических партий на выборах в государственную думу VIII созыва: сравнительный анализ. — *Российский социально-гуманитарный журнал*. № 2. С. 68–80.

Заславский С.Е. 2020. Партийная система России: современное состояние и динамика развития. — *Вопросы политологии*. № 8(60). С. 2524–2541.

Заславский С.Е. 2021. Партийная система России: точки политической конкуренции. — *Вопросы политологии*. № 7(71). С. 2016–2028.

Исаев Б.А. 2017. Партийная система России: мультипартизм или бипартизм? — *Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения*. № 3(10). С. 210–225.

Левчик Д.А., Заславский С.Е. 1995. Особенности партотгенеза в России. — *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Политические науки. № 6. С. 47–54.

Лепехин В.А. 1992. Некоторые аспекты современного российского партотгенеза. — *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Социально-политические исследования. № 3. С. 23–35.

Лукушин В.А. 2021. Оценки текущего состояния российской партийной системы в преддверии электорального цикла 2021 года. — *Избирательное законодательство и практика*. № 2. С. 45–48.

Скиперских А.В. 2021. Левое vs правое в политическом пространстве: искушения авторской деконструкции. — *PolitBook*. № 1. С. 6–24.

Тимошенко В.И., Салыков Д.Н. 2017. Становление партий и партийной системы современной России. — *PolitBook*. № 3. С. 184–193.

Холодковский К.Г. 2006. Противостояние левые — правые: анахронизм или смена координат? — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 81–96.

Grant Z.P. 2023. Why the Left Has More to Lose from Ideological Convergence than the Right. — *Party Politics*. Vol. 29. No. 5. P. 803–816.

Jahn D. 2023. The Changing Relevance and Meaning of Left and Right in 34 Party Systems from 1945 to 2020. — *Comparative European Politics*. Vol. 21. P. 308–332.

ZASLAVSKY Sergey Evgenievich, Dr.Sci. (Legal), Professor of the Chair of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125167; zasl_se@mail.ru)

LUKUSHIN Vladimir Andreevich, postgraduate student of the Chair of Political Science, Assistant; Junior Research Fellow of the Center for Political Studies, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125167; valukushin@fa.ru)

IN SEARCH OF AN OPTIMAL SCALE: THE ISSUE OF DESCRIBING AND STRUCTURING OF THE RUSSIAN PARTY SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the analysis of the modern party system of Russia, considered as a unique political and institutional formation that does not lend itself to traditional classifications developed and adapted mainly for Western

countries. The authors identify the main stages of the formation of the Russian party system, focusing on the transition from a fragmented and unstable to a more consolidated and functional model. The article proposes an alternative scheme for analyzing parties based on their resource potential and political and legal status. The authors critically examine the traditional left-right scale and other linear models for describing modern party systems as methodologically untenable. The article substantiates the need to develop original scientific and analytical approaches that reflect the specifics of the Russian political landscape and new forms of political mobilization, representation and competition in the context of a modern post-industrial and digital society.

Keywords: party system, political parties, party leagues, party scales, ideologies, multi-party system

МОРОЗОВА Полина Евгеньевна — аспирант 3-го года обучения по научной специальности 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики»; факультет политологии Санкт-Петербургского государственного университета (191060, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, под. 7; morozova.polina23@gmail.com)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДОВЕРЯЮЩИХ И НЕ ДОВЕРЯЮЩИХ ВЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК РОСТА СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть влияние динамики политического доверия различных социальных групп на социальное доверие между ними. Обращение к такому ракурсу исследования связано с необходимостью прояснения факторов устойчивости политической системы при противоречивом и поляризованном символическом пространстве государственного управления. Автор формулирует предположение, что совокупности индивидов, дискурсивно объединенные между собой по критериям доверия/недоверия к власти, склонны к враждебности по отношению друг к другу, невзирая на потенциальную либо фактическую социальную близость (родственные связи, схожесть социального положения, экономического статуса, образовательного уровня). Отсутствие взаимного понимания политических позиций и принятия ценностей между представителями разных кругов доверия обусловлено трудностями в организации и поддержании равноправного диалога. При сохранении тенденций информационно-символического нагнетания вокруг различий условно «доверяющих» и «не доверяющих» возрастают риски роста социального напряжения, вплоть до конфронтации.

Ключевые слова: политическое доверие, политическое недоверие, социальная дистанция, социальное доверие, символическое пространство государственного управления

Повышенное внимание исследователей общественно-политических наук к тематике политического доверия не ослабевает уже на протяжении десятилетий. Проблема сохраняет свою актуальность и привлекает все большее число специалистов из различных сфер и стран. Преимущественно теоретические разработки продвигаются в двух направлениях: как измерить политическое доверие и как на него повлиять. Оба исследовательских вопроса затрагивают в т.ч. феномен политического недоверия, которому ранее уделялось недостаточно внимания, но теперь пробелы удастся восполнить. Общая черта литературы последних лет состоит в избегании анализа исключительно деструктивных следствий недоверия. Политическое доверие в то же время не представляется панацеей для политических систем [Папакостас 2016: 74] и уникальным качеством демократий — анализируются всевозможные виды